

ДИАЛОГ С АКАДЕМИКОМ И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО О ХАРАКТЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Академик И.Д. Ковальченко произвел на меня глубокое впечатление. Это был человек, который четко видел цели исторического исследования и знал, как организовать его так, чтобы достичь желаемых результатов.

Мы встретились на двустороннем российско-шведском коллоквиуме, одном из многих подобного рода совещаний. Это было в 1989 году. Коллоквиум был посвящен, в основном, состоянию современных исследований в наших двух странах в области изучения металлургической промышленности и торговли. Во время выступления одного из шведских коллег-участников коллоквиума, рассказывавший о своих исследованиях И.Д. Ковальченко сразу же предложил провести сравнительный анализ изучения этой проблемы историками в наших двух странах. После этого я вместе с академиком И.Д. Ковальченко занимался разработкой и реализацией плана совместных исследований в рамках компаративного проекта. Благодаря его широким связям и контактам мы очень быстро наладили сотрудничество между Упсалой и Екатеринбургом, где член-корр. РАН В.В. Алексеев и несколько его коллег из института стали партнерами шведских специалистов в этом исследовании.

Реальным результатом нашего научного сотрудничества с академиком И.Д. Ковальченко, которое длилось более семи лет, был проект сравнительно-исторического изучения социальных аспектов развития металлургической промышленности в Швеции и России (2 тома уже опубликованы и итоговый доклад находится в производстве). Надо сказать, что наше сотрудничество скоро переросло рамки работы по проекту, мы использовали эту возможность также для встреч и обмена взглядами. Мы обсуждали научные и организационные проблемы развития исторической науки и образования. Это всегда было плодотворно. Его талант организатора удачно сочетался с интересом к теоретико-методологическим аспектам исторического исследования. Мы сразу же нашли основу для обсуждения многих вопросов, представляющих обоюдный интерес. Это огромная потеря, что такой живой продуктивный ум прекратил работу.

И.Д. Ковальченко был человеком дела и хотел сделать исследование продуктивным, так как историческое исследование

редко может повлечь за собой непосредственное увеличение национального продукта (GNP) в обществе, оно должно проявить свою эффективность в других аспектах. Историческое исследование может образовывать нас и давать молодому поколению понимание прошлого, которое, в свою очередь, было передано нам предшественниками. Принципиальный вопрос, конечно, состоит в том, должно ли новое понимание быть абсолютно новым во всем? Начинают ли новые поколения исследователей всегда с нуля или они могут использовать полученные ранее результаты?

Позвольте мне сформулировать вопрос несколько иначе: следует ли прогресс в понимании истории относить лишь к современному историческому исследованию? На этот вопрос можно ответить по-разному. Давайте рассмотрим некоторые из возможных ответов.

Первый ответ - ответ постмодернистов и текстуалистов. Они сказали бы, что историческое понимание совершенно различно у разных исследователей, в разное время. Понимание индивидуально. Каждый исследователь должен дать собственную интерпретацию документального материала, причем этот материал понимается прежде всего как текст, часто без различий между текстами исследовательскими (историографическими работами) и текстами источника. Здесь важно подчеркнуть позицию, которая все чаще обозначается теоретиками истории, однако очень редка среди историков-практиков. Это позиция следующая: постоянен процесс возникновения новых версий истории, но этот процесс не может рассматриваться как накопление исторического знания. Постмодернисты добавили бы даже, что это взгляд модернистов на процесс развития исторических знаний: накопление, прогресс в науке. Позвольте мне добавить, что концепция накопления, как она понимается в контексте этого выступления, не обязательно соединяется с прогрессом в науке в оценочном смысле. Комбинации новых результатов и прежнего знания могут рассматриваться как менее ценные, чем прежние концепции, и тем не менее относятся здесь мною к кумулятивному знанию в том смысле слова, который здесь оно имеет.

Вторая точка зрения может быть охарактеризована следующим образом. Представим, например, что в какой-то области получено много новых результатов на современном этапе. Однако получение новых фактов не приводит к новым интерпретациям. В работах историков, которые публикуют находки в этой области, нет новых взглядов на историю. Мы можем говорить о дополнениях к предшествующему знанию. Каждый исследователь каким-то образом дополняет прежнее знание, но в то же время это дополнение происходит в рамках уже известного объ-

яснения. Это может быть названо кумулятивным знанием в смысле дополнительного знания.

Более радикальная концепция должна включать возможность (не необходимость) того, что новое исследование базируется на полученных ранее результатах. Принимая точку зрения, что историческое знание основывается на предшествующем опыте, надо согласиться с тем, что этот процесс развития знания является активным интеллектуальным процессом, предполагающим развитие фундаментальных концепций в избранной области исследования. Суть понимания кумулятивности исторического знания в следующем: если новое исследование осуществляется без четкого представления и использования предшествующего опыта, накопление знания невозможно или нежелательно. Накопление знания обозначает, что новое поколение исследователей может извлечь пользу из того, что сделано прежним поколением и избежать их ошибок.

Три ответа на вопрос об отношениях между современниками и предшественниками в исследовательской области, поставленные кратко в форме резюме, важны как опознавательные знаки различных дорог, т.е. исследовательских стратегий, из которых можно выбирать. Многие - и среди них многие постмодернисты - сказали бы, что нет единственного выбора. Многие члены научного сообщества сказали бы, что есть важные причины для выбора одного или другого подхода, что ограничиться каким-то одним подходом очень проблематично. В таком случае, если ученый хочет аргументировать свой выбор, он должен избрать в качестве основания одну из трех описанных выше позиций по вопросу о кумулятивности знания.

Действительно, можно ли сказать, что для выбора из трех альтернативных позиций, представляющих различные точки зрения на кумулятивность знания, есть хорошие теоретические основания? Думается, что все изложенные подходы имеют основания. Утверждение, что только одна точка зрения является обоснованной, не представляется убедительным. Все разумные подходы в эпистемологии науки полезны для некоторых принципиальных заключений, более того, целесообразно пытаться избегать противоречивых заявлений. Позиция постмодернистов основывается на утверждении, что вся история определяется как текст. Это их постулат. Представители другой точки зрения используют другие аргументы. Реализм, который возможен в социальных науках и гуманитарных исследованиях, должен основываться на постулировании реальности. При этом не является обязательным, чтобы реалисты во всех своих концепциях непосредственно обращались к реальности, но, как минимум, во всех

них должно присутствовать хотя бы опосредованное обращение к чему-то, что может быть названо объектом знания.

Позиции сторонников кумулятивного знания легче объединить с реалистической позицией, чем с так называемым новым конструктивизмом, хотя некоторые их теоретические концепции могут рассматриваться и как конструктивистские. Постмодернизм, который в данном контексте используется почти как тождественный всему текстуализму, эксплицитно является комбинацией (соединением) конструктивизма и позиции сторонников некумулятивного исторического знания. Есть также важные проблемы как для постмодернистов, так и для радикальных сторонников позиции кумулятивного исторического знания. Я не собираюсь здесь углубляться в этого рода проблемы, учитывая ограниченность возможностей данного комментария. Однако необходимо заметить, что постмодернизм легко может разрабатывать проблему социального характера науки, включая и гуманитарные знания, в то время как концепция кумулятивного знания могла бы очень легко соблазнить своих сторонников отказаться от понятия научного знания как независимого от верований или надежд представителей научного сообщества. Здесь я только ограничусь некоторым намеком, что такая позиция является неразумной. Дискуссия, которая идет еще со времен опубликования работы Т. Куна о научных революциях, и даже раньше, со времен М. Вебера, который писал о науке как о выборе, дает множество аргументов для включения социального элемента в процесс формирования теории.

Позвольте мне охарактеризовать три концепции в понимании накопления исторического знания. Первая - так называемая концепция неограниченного накопления исторического знания. Вторая - концепция ограниченного понимания кумулятивности - предполагает накопление исторического знания только как накопление фактов. И третья точка зрения - отрицание любого накопления знания, по крайней мере в истории. У меня не вызывает никаких сомнений, что Иван Дмитриевич Ковальченко придерживался концепции неограниченной кумулятивности. Позвольте мне привести несколько аргументов в пользу этого.

И.Д. Ковальченко был модернистом. Мне кажется, что он верил в возможность использования знания для преобразования мира. Он не сомневался в поступательном процессе исторического знания. Однако, кроме того, был еще один аспект в концепции И.Д. Ковальченко, на который я хотел бы обратить внимание. В дискуссиях, которые мы с ним вели или в которых мы участвовали, относительно состояния и характера исторического исследования и развития исследовательских проектов по вопро-

сам о государстве и национальном развитии в жанре компаративного исследования, он безусловно никогда не выдвигал никаких ограничений в отношении тех концепций, которые могли бы использоваться в исследовательской стратегии и которые были бы предпочтительны. Единственное, что он всегда подчеркивал, - это значимость сравнительно-исторического анализа во всех поддержанных им совместных проектах и исследованиях. В рамках же концепции постмодернизма и текстуализма весьма затруднительно рассуждать о компаративном исследовании. Компаративное исследование никогда не приведет к так называемому "новому" рассказу, как это понимают постмодернисты и многие другие, для которых компаратив не существует. Тип развития знания на основе компаративного исследования является развитием теоретического знания. Именно компаративные исследования дают возможность увидеть общее и особенное в историческом развитии, единство характера исторического развития и разнообразие форм и направлений исторической эволюции, а также раскрыть причины сходства и отличий, выявленных в процессе компаративного исследования. Ответы на все эти вопросы носят теоретический характер. Они ведут не к выявлению уникальности в истории, но, наоборот, к генерализации в истории, к выявлению общих факторов, определяющих типы исторического развития. Вот почему компаративная история представляет особый интерес не только по своим результатам, но и по тем перспективам, которые она открывает в области теории и научной эпистемологии. И.Д. Ковальченко понимал это. Вот почему, я думаю, что его позиция в вопросе о поступательном характере исторического знания имеет особое значение.